

Воспоминанія бывшего штурманскаго офицера ¹⁾).

Я слышалъ интересный разсказъ отъ Севастопольскаго защитника о выполненномъ имъ опасномъ порученіи. Какъ извѣстно, въ одинъ изъ періодовъ осады, у насъ были выстроены Камчатскій и Селенгинскій редуты, впереди крѣпостной ограды. Начальникъ оборонительной линіи замѣтилъ, что одинъ изъ редутовъ пересталъ отвѣчать на неприятельскіе выстрѣлы. Нужно было узнать причину подобнаго тревожнаго молчанія. Надо пояснить, что электрическаго телеграфа въ то время не было: въ Россіи дѣйствовалъ оптический телеграфъ; поэтому чтобы получить объясненіе изъ редута, надо было послать туда надежнаго офицера. Слѣдуетъ замѣтить, что сообщеніе съ редутомъ было очень опасно, такъ какъ неприятель постоянно обстрѣливалъ сильнымъ огнемъ эти два земляныя укрѣпленія. Исполненіе предстоящаго рискованнаго порученія было возложено на молодого офицера, моего знакомаго. Отправляясь въ путь, офицеръ взялъ съ собою казака и объявилъ начальству, что полученныя отъ защитниковъ редута свѣдѣнія будутъ записаны на листѣ бумаги. Означенный листъ онъ положилъ въ обшлагъ своего рукава, такъ что, въ случаѣ его смерти, нужное сообщеніе найдутъ въ его сюртукѣ. Въ ночное время, пускаясь въ разныя перебѣжки, храбрый офицеръ достигъ благополучно редута. При опросѣ оказалось, что однѣ пушки не дѣйствуютъ, потому что подбиты неприятельскими выстрѣлами, другія прекратили стрѣльбу по неимѣнію снарядовъ; наконецъ, имѣлись готовые снаряды, но не было для нихъ орудій. Надо замѣтить, что земляная ограда Севастопольской крѣпости, представлявшая преграду для наступающаго

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1915 г.

непріятеля съ сухопутной стороны, была насыпана передъ самою осадою крѣпости и была вооружена орудіями, снятыми съ кораблей, поэтому неудивительно, что произошла путаница въ вооруженіи редута. Записавъ полученныя сообщенія, отважный воинъ вернулся тѣмъ же порядкомъ въ крѣпость, вполнѣ благополучно. Были и другія опасныя порученія, кои исполнялъ мой знакомый, получившій нѣсколько ранъ и контузій и какимъ-то чудомъ избавившійся отъ преждевременной смерти; но онъ не рассказывалъ мнѣ объ этихъ подвигахъ. Однако Георгиевскій крестъ, носимый имъ, указывалъ на отважную дѣятельность этого армейскаго офицера.

Изъ эпохи той же войны, еще до начала осады крѣпости, я слышалъ рассказъ другого рода. Въ то время наша армія стояла въ Румыніи и передовые посты были расположены на лѣвомъ берегу Дуная. На этихъ аванпостахъ несъ службу мой знакомый въ чинѣ должно быть прапорщика. Конечно, размѣщеніе войскъ было плохое, съ большими неудобствами; лишній было много. Неожиданно, нашъ прапорщикъ получаетъ извѣстіе, что на дняхъ къ нему пріѣдетъ комиссія изъ штаба, для осмотра непріятельской позиціи и нашихъ аванпостовъ. Изъ сдѣланнаго сообщенія прапорщикъ увидѣлъ, что комиссія пробудетъ у него цѣлый день и что, значитъ, надо накормить чѣмъ-нибудь важныхъ гостей. Въ этомъ раздумьѣ, прапорщикъ обращается къ своему денщику съ извѣстіемъ о пріѣздѣ гостей и о необходимости приготовить для нихъ обѣдъ. Хозяинъ позиціи зналъ, что пищевыхъ продуктовъ имѣлось очень не много. „Чѣмъ же ты будешь угощать господъ?“—спросилъ онъ денщика. „Да ужъ вы, баринъ, не безпокойтесь—обѣдъ будетъ, только сами вы не ѣшьте“, отвѣчалъ денщикъ. Въ назначенный день пріѣхала комиссія, сдѣлала большой объѣздъ по берегу Дуная, осматривала позиціи, а потомъ остановилась для отдыха въ палаткѣ моего знакомаго. Денщикъ не замедлилъ подать обѣдъ. Всѣ насытились; и вскорѣ пріѣзжіе гости уѣхали обратно въ свой штабъ. Прапорщикъ удивился, что за обѣдомъ было подано жаркое. „Откуда ты взялъ мясо на жаркое?“ спросилъ онъ денщика. „Собаку зарѣзалъ и зажарилъ“, былъ отвѣтъ денщика. Тайна съѣденной собаки такъ и осталась нераскрытой.

Вспоминаю о несчастіи, случившемся въ нашемъ флотѣ, вскорѣ послѣ окончанія Крымской войны. Шла эскадра изъ Ревеля въ Кронштадтъ на зимовку. Вблизи острова Гогланда, при хорошей погодѣ и свѣжемъ вѣтрѣ, 80-ти пушечный корабль „Лефорть“, бывшій въ эскадрѣ, сталъ крениться на одну сто-

рону; кренъ продолжался нѣсколько минутъ и все увеличивался, а ватѣмъ, на глазахъ всей эскадры, корабль „Лефортъ“ пошелъ ко дну. Гибель судна произошла такъ быстро, что никто не могъ подать помощи погибающимъ, коихъ было нѣсколько сотъ чѣловѣкъ: всѣ погибли. На мѣстѣ катастрофы глубина воды должно быть сажень двадцать. Причину случившагося несчастія относили къ неправильной нагрузкѣ судна, которая дѣлалась торопливо, такъ какъ спѣшили выйти въ море. Другую причину предполагали въ дурномъ прикрѣпленіи пушекъ къ бортамъ корабля: когда начался кренъ, пушки оторвались и перекатились на другой фортъ. Я думаю, что можно указать на третью причину: желаніе служащихъ людей угодить начальству, даже въ ущербъ сущности дѣла и полной безопасности. Говорятъ, что у насъ на флотѣ, еще въ недавнее время, существовало стремленіе угодить начальству съ такою силою, что торопясь окончить работу, замѣняли желѣзные болты и заклепки деревянными. Погибшій „Лефортъ“ покоится и въ настоящее время на днѣ морскомъ.

По возвращеніи съ промѣра въ Гидрографическій департаментъ, мы занимались составленіемъ морскихъ картъ, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ. Трудъ составленія и исправленія картъ медленный и кропотливый. Изготовленныя карты вырѣзывались на мѣдныхъ листахъ и затѣмъ перепечатывались на обыкновенную бумагу въ большомъ числѣ экземпляровъ. Въ числѣ служащихъ въ департаментѣ былъ тогда извѣстный штурманскій офицеръ-путеводитель кругомъ свѣта фрегата „Паллада“, обезсмертенный Гончаровымъ, въ описаніи плаванія этого судна. Тамъ онъ названъ „дѣдомъ“. У Гончарова была замѣтка про судового штурманскаго офицера, такого рода: увидалъ дѣдъ вѣху и обрадовался, какъ родной матери. По этому поводу, мы, молодежь, обратились къ почтенному чело­вѣку за объясненіемъ. „Да“,—отвѣчалъ спрошенный,—„я очень обрадовался, увидавъ вѣху, потому, что этотъ знакъ обезпечивалъ путь фрегата и вмѣстѣ съ тѣмъ предохранилъ отъ опасности жизнь трехсотъ чело­вѣкъ“. Что служба штурманскаго офицера на морѣ требуетъ много знанія, опытности, неослабнаго надзора и внимательнаго наблюденія, того не всѣ знаютъ. Оцѣнилъ хорошо службу штурмановъ бывшій министръ народнаго просвѣщенія Норовъ. Его мнѣніе я случайно услыхалъ, будучи дежурнымъ на корабельной верфи, въ устьяхъ Фонтанки, въ Петербургѣ. Время было начало польскаго возстанія. Приѣхали въ каретѣ смотрѣть верфь два посѣтителя, изъ коихъ

одинъ былъ безъ ноги, въ штатскомъ платьѣ, а другой носилъ форму чиновника морского министерства. Я счелъ долгомъ провожать посѣтителей по верфи. Когда осмотръ былъ оконченъ и посѣтители собрались уѣзжать, безногій мужчина, видя на мнѣ мундиръ штурманскаго офицера, обратился ко мнѣ съ вопросомъ: развивается ли корпусъ флотскихъ штурмановъ? Я отвѣчалъ:—„Все въ Россіи развивается, развивается и корпусъ штурмановъ“.—Тогда Норовъ—это былъ онъ—обратился къ моему спутнику и сказалъ: какую тяжелую обязанность несутъ штурмана и какая страшная отвѣтственность на нихъ лежитъ. Подобное мнѣніе совершенно вѣрно. Къ сожалѣнію, несмотря на важную обязанность штурманскаго офицера на кораблѣ, штурмана не пользовались должнымъ почетомъ. Я помню, какъ ухаживалъ за штурманомъ капитанъ корабля во время нашего плаванія: почти ежедневно поручикъ завтракалъ съ капитаномъ, въ его каютѣ. Когда только корабль входилъ въ портъ и становился на якорь, штурманъ былъ забытъ командиромъ.

Одинъ изъ моихъ товарищей повелъ фрегатъ въ дальнее плаваніе, и потерпѣлъ неудачу. Скребцовъ, такова его фамилія, отличался въ нашемъ классѣ большимъ усердіемъ къ наукамъ и былъ первымъ ученикомъ въ классѣ. Бывало, съ трудомъ одолѣваешь урокъ географіи, въ которомъ перечислялись князья, кюрфюрсты, герцоги и другія владѣтельныя особы въ Германіи. Такихъ именъ значилось въ учебникѣ до сорока. Большинство учениковъ заучивали только половину именъ, но Скребцовъ задалбливалъ всѣ до одного имени. Я постоянно удивлялся его прилежанію. Въ виду отличныхъ успѣховъ въ наукахъ, Скребцова назначили въ кругосвѣтное плаваніе года за три до окончанія училищнаго курса. Конечно, и тамъ онъ выказалъ такое же усердіе, какое обнаруживалъ въ училищѣ. За такую отличную службу его произвели въ офицеры, раньше насъ, его товарищей, на 1½ года. По возвращеніи изъ-за границы, Скребцовъ, по собственному желанію, опять пошелъ въ дальнее плаваніе, но уже въ качествѣ старшаго штурманскаго офицера. На этотъ разъ съ нимъ случилось несчастіе: фрегатъ, который онъ велъ, сѣлъ на мель въ Восточномъ океанѣ, гдѣ-то около береговъ Америки. Скребцовъ былъ преданъ суду. Морской судъ его оправдалъ. Но мой товарищъ, какъ неудачникъ въ плаваніи, не счелъ удобнымъ оставаться на службѣ и вышелъ въ отставку. Вскорѣ онъ померъ. Я всегда сожалѣлъ о рано погибшемъ моемъ товарищѣ.

Другой мой товарищ Клыковъ, желая пополнить корпусное образованіе, началъ посѣщать университетъ и слушалъ тамъ лекціи. Но университетъ былъ вскорѣ закрытъ. Тогда Клыковъ перешелъ на службу на Дальній Востокъ. Путешествіе туда совершалось съ затрудненіями: моему товарищу пришлось проплыть въ лодкѣ по Амуру что-то около 1000 верстъ. „Однажды“, писалъ онъ мнѣ,—„я проснулся отъ холоду: оказалось, что казаки не отлили воду изъ лодки и постель моя подмокла“. „Въ Сибирскихъ городахъ“ дичь летаетъ по улицамъ и сама натывается на охотника. Служа на Востокѣ, Клыковъ побывалъ и въ Китаѣ, плавая на канонерской лодкѣ. Тамъ можно было безопасно ходить по улицамъ, если имѣешь пистолетъ въ карманѣ. Письма оттуда шли долго, иногда около 4-хъ мѣсяцевъ. Въ то время почта направлялась черезъ Сингапуръ, мысъ Доброй Надежды, Лондонъ, Петербургъ. Не франкированные письма шли вѣрнѣе. Помню, какъ мнѣ пришлось однажды заплатить 80 коп. за полученное письмо, такъ что почталіонъ, принявшій отъ меня деньги, разсмѣялся.

Рѣка Амуръ въ своихъ весеннихъ разливахъ бываетъ очень не постоянна. Три, четыре года разливы идутъ одинаковаго размѣра, какъ вдругъ на пятый годъ разливъ дѣлается втрое большимъ. Мѣстные жители знаютъ это непостоянство; но новые пришельцы часто терпятъ разореніе.

Пробывъ на Амурѣ десять лѣтъ, Клыковъ перешелъ на службу въ Уральское казачье войско и обучалъ въ городѣ Гурьевѣ, на Уралѣ, мореходному искусству молодыхъ казаковъ. Онъ былъ преподавателемъ или начальникомъ тамошней мореходной школы. Уральскіе казаки имѣютъ особыя права на рыбную ловлю въ Каспійскомъ морѣ, а какъ этотъ промыселъ составляетъ важную статью дохода, то казаки держали особыя суда для надзора за ловлею рыбы. Съ цѣлью усилить надзоръ думали замѣнить парусныя суда—паровыми. Надо полагать, что мысль о паровомъ суднѣ подалъ Клыковъ, потому что ему поручено было составить проектъ подобнаго судна. Изготовленный проектъ былъ отправленъ въ Петербургъ, въ морское министерство, гдѣ, по надлежащемъ разсмотрѣніи и исправленіи, проектъ былъ одобренъ. Затѣмъ, въ Петербургѣ были произведены торги на постройку парового крейсера. Низшую цѣну объявилъ Абовскій заводъ, которому и поручена была эта постройка. Для надзора за постройкою былъ командированъ отъ Уральского войска мой товарищъ. Клыковъ прожилъ въ Або довольно долго. Со стороны завода были попытки подкупить надсмотрщика, но

подобныя попытки успѣха не имѣли. Надо замѣтить, что этому заводу было отдано предпочтеніе передъ другими конкуррентами по причинѣ краткости срока, имъ объявленнаго. Въ дѣйствительности же оказалось невозможнымъ исполнить постройку въ установленный короткій срокъ. Администрація завода пыталась склонить Клыкова поддержать ходатайство о продленіи срока постройки, но Клыковъ былъ неумолимъ. Тогда заводъ устроилъ фиктивный пожаръ въ зданіи чертежной, гдѣ сгорѣли чертежи проектируемаго крейсера. Конечно, безъ чертежей нельзя вести постройку, а потому заводъ получилъ нужную ему отсрочку. Такъ обманывали казну въ прежнее время. Постройка крейсера для казаковъ совпала съ введеніемъ на Волгѣ отопленія пароходовъ нефтью. Клыковъ возымѣлъ намѣреніе примѣнить это новое отопленіе. Помню, что я ему послалъ изъ Вильны въ Або какую-то статью по сему предмету, взятую изъ технического журнала. Должно быть, новое отопленіе было примѣнено на крейсерѣ. Съ окончаніемъ постройки судна, Клыковъ повелъ его изъ Або въ Кронштадтъ, а оттуда въ Петербургъ и затѣмъ на Волгу. По этой рѣкѣ онъ и прибылъ въ Каспійское море. Конечно, командиромъ новаго крейсера былъ назначенъ Клыковъ, который и принялся за исполненіе новой обязанности. Но недолго мой товарищъ защищалъ казацкіе интересы на морѣ: судьба рѣшила иначе! Такъ какъ р. Уралъ не судоходна по мелководью, то новый крейсеръ уходилъ ежегодно на зимовку въ Астрахань. Извѣстно, что въ Астрахани каждую весну, при вскрытіи рѣки, льдомъ уноситъ неосторожныхъ рыбаковъ въ море. Это обычное явленіе случилось и тогда, когда тамъ зимовалъ новый крейсеръ. Какъ только стало извѣстно о постигшей опасности рыбаковъ, такъ тотчасъ же Крыловъ на крейсерѣ развелъ пары и пошелъ въ море. Поиски его были удачны: много людей онъ спасъ отъ смерти, но самъ простудился. У него образовалось воспаленіе легкихъ, которое и свело его въ могилу. Такъ окончилъ жизнь свою мой добрый товарищъ, привыкшій не щадить своихъ силъ для пользы ближняго! Послѣ него осталась вдова съ ребенкомъ.

Немногіе изъ моихъ знакомыхъ увлеклись службою въ Сибири. Инженеръ К. уѣхалъ туда потому, что тайга представляла заманчивое мѣсто для охоты. На охотѣ инженеръ проводилъ по нѣсколько дней. Надо было опасаться въ лѣсу не только звѣрей, но и людей. „Если встрѣтишь въ лѣсу бѣглаго каторжника“, — говорилъ мой знакомый, — „то первый пріемъ взять въ руки ружье и прицѣлиться во встрѣченнаго человѣка, чтобы

остановить его. Обыкновенно подобный бѣглый нуждался въ пищу. Чтобы удовлетворить его голодъ, оставляешь ему кусокъ хлѣба, но близко къ себѣ не допускаешь. Тогда можно разойтись безъ бѣды. Совершалъ этотъ инженеръ плаваніе по Амуру, въ лодкѣ съ денщикомъ, что много способствовало удачной охотѣ. Разъ случился курьезъ. Плыветъ онъ по рѣкѣ. Денщикъ гребетъ веслами, поручикъ сидитъ на рулѣ. Хитрый солдатъ говоритъ: „Ваше Благородіе, вы не твердо держите руль, наша лодка виляетъ въ разныя стороны, мы такъ долго не дойдемъ до мѣста“. Инженеръ согласился съ солдатомъ и въ устраненіе замѣченнаго неудобства самъ сѣлъ грести веслами, а денщика сажалъ на руль. Вотъ что значать дружескія отношенія охотниковъ между собою. Про Сибирь мнѣ рассказывалъ военный инженеръ, проводившій первый электрическій телеграфъ съ береговъ Восточнаго океана. Онъ шелъ по тайгѣ, съ командою матросовъ, вырубая просѣку и устанавливая въ ней телеграфные столбы. Разъ случилось, что змѣя укусила матроса за руку. Бывшій въ отрядѣ врачъ далъ какое-то лѣкарство противъ укуса, но оно не помогало. Опухоль руки увеличивалась. Тогда обратились за медицинскою помощью къ бывшему при отрядѣ китайцу. Тотъ отыскалъ въ лѣсу какую-то траву, приложилъ ее къ укушенной рукѣ, и трава подѣйствовала благотворно. Опухоль стала уменьшаться и часа черезъ два матросъ былъ здоровъ. Обратились къ китайцу съ просьбою указать лѣчебную траву, но получили отказъ. Такъ русскимъ осталось неизвѣстнымъ это лечебное средство. Въ Гидрографическомъ департаментѣ я служилъ недолго. Не могу не вспомнить о генералѣ Борисовѣ, гуманномъ человѣкѣ, относившемся съ деликатностью къ подчиненнымъ ему офицерамъ. Названный начальникъ составлялъ противоположность къ прежнему начальнику Рейнеке, смерть котораго офицеры встрѣтили безъ сожалѣнія: а одинъ офицеръ, къ моему удивленію, наклеилъ даже у себя въ комнатѣ вырѣзку изъ газеты, содержащую объявленіе о кончинѣ генерала, гдѣ-то за границей. Одинъ изъ старыхъ штурманскихъ офицеровъ рассказалъ мнѣ, какъ при Императорѣ Николаѣ, они представляли на Высочайшее воззрѣніе, въ Зимнемъ дворцѣ, свои годовыя работы. Вновь составленныхъ и заново исправленныхъ морскихъ картъ было очень много, такъ что не хватало столовъ для ихъ укладки. Поэтому привезенныя во дворецъ карты расположили прямо на паркетный полъ, въ какомъ-то большомъ залѣ. Когда Императоръ вышелъ для осмотра выполненныхъ трудовъ, то онъ не

стѣснялся положенными морскими картами и шелъ прямо по этой расписанной бумагѣ. Я выразилъ сомнѣніе въ правдивости этого сообщенія; но мой собесѣдникъ настаивалъ на вѣрности своего разказа, при чемъ нисколько не огорчался топтаніемъ ногами составленныхъ картъ.

Вспоминая свои юные годы, я отношусь съ чувствомъ благодарности къ училищу, меня воспитавшему. Хотя тогда было Николаевское время, когда дисциплина была желѣзная, но и въ то время проявлялись чувства гуманныя. Шагистика, маршировка, обученіе тихимъ шагомъ въ три пріема, ружейные пріемы,—вотъ что наполняло наше существованіе вѣкласснаго времени. Нашими учителями были штурманскіе офицеры съ добавленіемъ штатскаго элемента. Конечно, программы наукъ были не обширны; но математику, навигацію и морскую астрономію мы проходили основательно. Куреніе табаку составляло важный проступокъ. Я помню, какъ при директорѣ Давыдовѣ одного кадета высѣкли передъ фронтомъ за то, что онъ сдѣлалъ въ толстой книгѣ потайное помѣщеніе для табаку. За успѣшнымъ ученіемъ слѣдили строго и лѣнливыхъ часто сѣкли. Былъ обычай по субботамъ собирать въ ротахъ лѣнтяевъ: ихъ выстраивали въ шеренгу и по командѣ: „направо, къ розгамъ, маршъ“. Виновные шли въ сосѣднюю маленькую комнату, гдѣ и производилась экзекуція. Съ воцареніемъ Императора Александра II, строгій воинскій режимъ смѣнился на болѣе легкой. Въ классахъ иногда сверкали новыя идеи. Какъ-то шелъ разговоръ о военныхъ дѣйствіяхъ; о томъ, что воодушевляетъ солдатъ и дѣлаетъ ихъ героями. Рассказывая про какой-то случай, преподаватель прибавилъ: „тамъ нижній чинъ воодушевляется чувствомъ долга, а у насъ что долженъ чувствовать рядовой, находящійся въ строю; локоть своего сосѣда“. Такъ значилось въ воинскомъ уставѣ. Когда я достигъ старшихъ классовъ, то слышалъ совѣты: „идите въ университетъ“, говорили мнѣ, „тамъ вы узнаете, въ чемъ состоитъ достоинство человека“. Подобные совѣты приняты были мною къ исполненію, и я, по окончаніи кадетскаго курса, слушалъ лекціи въ университетѣ. Вспоминая про мое кадетское житье, я съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ негодованіемъ, прочелъ повѣсть извѣстнаго писателя Куприна, подъ заглавіемъ: „На переломѣ“. Въ этой повѣсти авторъ описываетъ кадетскій бытъ времени Императора Александра II и рисуетъ возмутительную картину класснаго обученія мальчиковъ. Купринъ изображаетъ преподавателя русскаго языка какимъ-то пьяницею, засыпающимъ въ

классъ и рѣдко приходящимъ на урокъ въ трезвомъ видѣ. Учитель называетъ кадетъ учениками развращенными. Я, какъ бывшій кадетъ, протестую противъ подобнаго извращенія казеннаго воспитанія. Ничего подобнаго въ наше время не было. Никогда никакой учитель не появлялся въ классъ въ нетрезвомъ видѣ. Корпусъ, въ которомъ я воспитывался, носилъ названіе Штурманскаго училища, въ которое поступали дѣти не только потомственныхъ дворянъ, но и дѣти вообще офицеровъ и чиновниковъ. Доступъ же въ столичные корпуса былъ открытъ только для потомственныхъ дворянъ; слѣдовательно, корпуса стояли выше училища. Не можетъ быть, чтобы картина, описанная Купринымъ, существовала въ дѣйствительности.

Н. Наумовъ.

